

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Берзон Екатерины Михайловны
на тему: «Политическая история и институты власти
государства Селевкидов (по данным клинописных текстов)»
по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история»

Государство Селевкидов, созданное на развалинах империи Александра Македонского в 311 г. до н.э. Селевком I Никатором, и просуществовавшее до 63 г. до н.э., имеет давнюю традицию изучения, восходящую еще к знаменитым трудам начала XX века Э. Бивана «Дом Селевка»¹ и А. Буше-Леклерка «История Селевкидов»². С этого времени с каждым годом библиография работ, посвященных Селевкидам, прирастает новыми исследованиями. И теперь уже представляется немыслимым рассматривать историю Селевкидской империи без основополагающих монографий Дж. Грейнджера³, А. Курт и С. Шервин-Уайт⁴, М. Апергис⁵, О. Меркхольма⁶ и др., а российский читатель может получить информацию об этом государстве благодаря переводу на русский язык книги Э. Бикермана «Государство Селевкидов»⁷. В то же время, при близком знакомстве с многочисленными трудами, посвященными Селевкидской империи, обращает внимание то обстоятельство, что значительное большинство таких работ рассматривают ее историю с позиций эллиноцен-

¹ Bevan E.R. The House of Seleucus. 2 vols. London, 1902.

² Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (232-64 avant J.-C.). 2 vols. Paris, 1913–1914.

³ Grainger J.D. A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden 1997; idem. The Roman War of Antiochos the Great. Leiden, 2002.

⁴ Kuhrt A., Sherwin-White S. From Samarkhand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire. London, 1993.

⁵ Aperghis M. The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire, Cambridge, 2004.

⁶ Mørkholm O. Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966.

⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л.М. Глускиной. – М.: Наука, 1985. – 264 с.; издание на французском языке: Bickerman E.J. Institutions des Séleucides, Paris, 1938.

тризма, по грекоязычным источникам, и прежде всего, по трудам античных авторов и документальным эпиграфическим свидетельствам. И хотя в настоящее время обнаруживается все возрастающий интерес исследователей к негреческим материалам, в числе которых видное место занимают клинописные тексты исторического содержания из Вавилонии, их всестороннее исследование все еще отсутствует в историографии. Здесь следует оговориться, что тексты, написанные клинописью на аккадском языке, традиционно образуют основной корпус источников по истории доэллинистической Месопотамии, начиная с появления первого централизованного государства в данном регионе – Аккадской державы Саргонидов, и завершая ахеменидским периодом. Однако, традиция историописания, характерная для Древней Месопотамии, продолжает жить уже после походов Александра и крушения империи Ахеменидов, и получает дальнейшее развитие в условиях существования государства Селевкидов и последующей Парфянской империи (вплоть до рубежа нашей эры, а возможно, и еще дольше). Однако, ее изучение в пост-ахеменидский период чаще всего представляет периферийный интерес для современной ассириологии. Таким образом, диссертационная работа Е.М. Берзон «Политическая история и институты власти государства Селевкидов (по данным клинописных текстов)» соответствует направлениям современных эллинистических исследований и обладает новизной.

Диссертация Е.М. Берзон состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложения. Во «Введении» традиционно содержится обоснование актуальности и новизны темы исследования, определяется объект и предмет, цель и задачи, включается указание хронологических и географических рамок, дается краткая характеристика источников, отмечается методология и методика диссертационной работы, ее теоретическая и практическая значимость, степень обоснованности и достоверности выводов, апробация результатов работы, а также формулируются основные положения

ния, выносимые на защиту. Таким образом, «Введение» включает все необходимые постановочные положения, которые задают направление исследования. Большинство таковых сформулированы предельно корректно и не вызывают возражений. В первой главе диссертации дается характеристика источникового клинописного корпуса (с. 18–34), а также содержится обзор историографии (с. 34–45). Во второй главе (с. 46–118) и в третьей главе (с. 119–176) диссертации рассматривается политическая история Селевкидов по данным клинописных источников, а в четвертой главе – особенности функционирования государственного аппарата управления (с. 177–218). При анализе основного содержания диссертации могут быть отмечены следующие ее положительные стороны:

Особенностью диссертационного исследования является использование довольно специфической источниковой базы – клинописного корпуса, отличающегося своей фрагментарностью и зачастую вызывающего крайне неоднозначные интерпретации в историографии. Поэтому следует обратить внимание на то обстоятельство, что Е.М. Берзон задействует в своем исследовании этот корпус во всей его полноте, впервые самостоятельно переводит на русский язык все используемые ею клинописные тексты и зачастую предлагает собственную интерпретацию спорных мест при их прочтении. Приводимые в «Приложении» переводы источников с аккадского на русский, несомненно, позволяет оценить репрезентативность самого корпуса.

Автор диссертации, рассматривая политическую историю империи Селевкидов и организацию управления, во-первых, всегда учитывает исторический контекст, для характеристики которого привлекает другие источники, такие как произведения античных авторов, грекоязычные надписи и нумизматические данные, а, во-вторых, всегда стремится продемонстрировать уникальность клинописного источникового корпуса, в котором находят отражения исторические события и явления, не отмеченные в других источниках. В «Заключении» работы Е.М. Берзон резюмирует эти свои

наблюдения следующим образом: «Внимание писцов привлекали драматичные перипетии регионального масштаба, связанные с войнами, бедствиями, эпидемиями, однако определенное отражение (зачастую даже более детальное) в созданных ими документах нашли и частные, но по своему интересные и важные события, которые заслуживают целенаправленного рассмотрения для комплексного воссоздания самых различных сторон жизни эллинистической Вавилонии. Из клинописных источников оказалось возможным узнать о тех эпизодах внешней политики и политической истории Селевкидов, о которых по каким-то причинам умалчивают античные авторы и надписи (с. 219–220).

Особенный интерес вызывают те части диссертации, в которых рассматривается функционирование аппарата управления в государстве Селевкидов (выявлению этих вопросов посвящена вся четвертая глава). Особенно тщательно проработана тема соправительства, выявляется и их роль в проведении внутренней политики царей династии Селевкидов, исследуются функции соправителей в урегулировании различных сторон социально-политической жизни Вавилонии (с. 177–207). Также обстоятельно рассматривается роль стратегов и сатрапов в селевкидской Вавилонии, рассматривается вопрос о соотношении полномочий этих двух категорий государственных служащих (с. 207–218). Особенный интерес представляет изучение места в управленческой структуре Селевкидской монархии «правитель Верхних сатрапий» и «стратега над четырьмя стратегиями».

Между тем, представляется возможным выделить некоторые аспекты диссертации, которые могут стать предметом дальнейшего рассмотрения, и отчасти носят дискуссионный характер. В качестве рекомендации следует предложить автору диссертации обратить более пристальное внимание на некоторые важные теоретические вопросы и концептуальные построения, которые могут иметь непосредственное отношение к теме диссертационного исследования. Е.М. Берзон, безусловно, знакома с этими концепциями, однако, она их воспринимает как уже вполне «отжившие», о чем

может свидетельствовать следующее замечание автора диссертации: «Пережив крайности вавилоноцентризма и излишней «ахеменидизации» селевкидского царства, современная наука все больше склоняется к идее рассматривать эллинистическую форму государственности как уникальную по сути, именно Селевкидскую, а проявления эллинизма ранжировать в соответствии с культурно-региональным принципом. Именно такой подход, на мой взгляд, позволит избежать противоречий в определении того, что же такое эллинизм и почему его проявления могут быть настолько непохожими между собой» (с. 44–45). Однако, данное положение остается без должного обоснования, между тем, как отражение ассиро-вавилонских и, в особенности, ахеменидских традиций в Месопотамии селевкидского времени имеет непосредственное отношение к той дискуссии, которую ведут исследователи по поводу концепций «персианизма» и/или «персианизации». В последние годы этим вопросам уделяется повышенное внимание в историографии, о чем свидетельствуют работы К. Таплина⁸, Б. Экхарда⁹, и, наконец, коллективная монография “Persianism in Antiquity” (Stuttgart, 2017), в которой несколько глав посвящены феномену «персианизма» в Селевкидской империи (на с. 9 данной монографии под «персионизмом» авторы книги понимают в самом широком смысле «идеи и ассоциации, вращающиеся вокруг Персии и воспринимаемые в специфических контекстах по специфическим (социально-политическим или политическим) причинам». Возникает закономерный вопрос, применимы ли теоретические представления о «персианизме» и «персианизации» к истории Месопотамии в селевкидское время, принимая во внимание, что этот регион был ядром империи Ахеменидов и несомненно испытал на себе послед-

⁸ Tuplin C.J. The Seleucids and their Achaemenid Predecessors. A Persian inheritance // *Ancient Greece and Ancient Iran: Cross-Cultural Encounters* / S.M.R. Darbandi & A. Zournatzi (eds.). Athens, 2009. P. 109–136.

⁹ Eckhardt B. Achaemenid Religious Policy after the Seleucid Decline: Case Studies in Political Memory and Near Eastern Dynastic Representation // *Political Memory in and after the Persian Empire* / J.M. Silverman and C. Waerzeggers (eds.). Atlanta, 2015. P. 269–298.

ствия ахеменизации? Подобным образом, в работе следовало бы уделить большее внимание рассмотрению историографической концепции вавилоноцентризма, предполагающей, что Вавилония представляла собой изолированный регион, испытывавший наименьшее влияние со стороны великих держав, таких как Новоассирийская империя, империя Ахеменидов, империя Александра Македонского и империя Селевкидов. Подобные идеи, в частности, в отношении империи Селевкидов развиваются в монографии М.П. Канепы, который критикует концепцию «персианизма», полагая, что «возобновленный акцент Селевкидов на вавилонских традициях и его риторика представляют центральную стратегию, посредством которой династия отделяла себя от Ахеменидов в этом регионе»¹⁰.

Мне не представляются концепции «персианизма» и «вавилоноцентризма» двумя «крайностями», а находящими вполне конкретное воплощение в истории Месопотамии, которая издревле представляла собой мультикультурный регион, где переплетались традиции прошлого и реалии настоящего, и выявление вполне конкретных реликтов в «наследии прошлого» в Селевкидской империи в общем, и конкретно, в Вавилонии, представляется важной задачей современного исследования. Такие реликты, безусловно, находили отражения отчасти в институте соправительства, несомненно, с селевкидской спецификой (в диссертации показаны общие основания для появления этого института в различных эллинистических монархиях, но не отмечается существование такого института уже в Ахеменидской империи, о чем мы имеем непосредственные свидетельства античных авторов: Hdt. VII. 2; Plut. Artax. 2; Polyae. VII. 17). Таким же образом, должность правителя Верхних сатрапий (с. 14, ^{lú}GAL ERÍN^{meš} šá *ana muḫ-ḫi* 4 ^{lú}GAL ERÍN^{meš}; с. 97, '147: ὁ ἐπὶ τῶν ἄνω σατραπειῶν), думается, не была «изобретением» Селевкидов, а фиксируется еще в период поздних Ахеменидов: по данным Диодора (XVI. 50. 8), Артаксеркс III назначил

¹⁰ Canepa M.P. The Iranian Expanse: Transforming Royal Identity through Architecture, Landscape, and the Built Environment, 550 BCE–642 CE. Oakland, 2020. P. 43.

своего приближенного Багоя ἐν ταῖς ἄνω σατραπείαις ἅπαντα τῷ βασιλεῖ διφκῆκός. Кстати говоря, возникает вопрос о том, а были ли при Селевкидах соответственно «нижние сатрапии» (при Ахеменидах греческие авторы говорили о «приморских» сатрапиях, эпизодические употребляя определение τὰ κάτω: Thuc. VIII. 5. 5; Xen. Hell. 1.4.3; ML. 12¹¹)? Наконец, принципы, заложенные в основу соотношения полномочий стратегов и сатрапов, также имеет свои параллели в империи Ахеменидов, не говоря уже о возможной преемственности в функциональных обязанностях сатрапа в двух империях. Подобным образом, имеет смысл выявление ассирийско-вавилонских возможных заимствований в политике и идеологии империи Селевкидов, хотя бы в плане использования соответствующего канцелярского языка исторических текстов. Конкретный пример такого рода влияния – использование некоторых топонимов, например, *Meluhha*, который отмечается еще задолго до селевкидского времени и в различные периоды мог обозначать территории долины Инда, Аравии или залива Оман¹², но в текстах селевкидского времени, по мнению автора диссертации (с. 165), был применяем для обозначения царства Птолемея. Но может быть за стандартными формулами языка скрывается нечто больше, чем просто фразеологизм? Все эти вопросы и соображения, конечно, направлены на будущее теоретическое осмысления темы диссертации.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.03 – «Всеобщая история» (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

¹¹ См. об этом в статье: Rung E. Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire // *Iranica antiqua*. 2015. Vol. 50. P. 340–343.

¹² Levitt S.H. The Ancient Mesopotamian Place Name “Meluhha” // *Studia Orientalia electronica*. 2009. Vol. 107.

университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Берзон Екатерина Михайловна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история».

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории

Института международных отношений

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Рунг Эдуард Валерьевич

Подпись сотрудника ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» удостоверяю:

руководитель/кадровый работник

Контактные данные:

тел.: e-mail:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.03 – Всеобщая история (история древнего мира)

Адрес места работы:

420008, Республика Татарстан г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,

Институт международных отношений

Тел.: +7 (843) 221-34-41; e-mail: Eduard.Runf@kpfu.ru